

Корсунский И. Н. Из церковной жизни православного востока: I. Евхаристический конгресс римских католиков в Иерусалиме // Богословский вестник 1894. Т. 1. № 3. С. 463–482 (2-я пагин.).

ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНАГО ВОСТОКА.

I. Евхаристическій конгрессъ римскихъ католиковъ въ Иерусалимѣ.

Въ прошедшемъ 1893 году мы уже обращали вниманіе читателей „Богословскаго Вѣстника“ на нѣкоторыя стороны жизни православнаго востока въ виду доклада митрополита Аѳинскаго Германа депутатамъ 13-го періода Парламента греческаго королевства ¹⁾. Но тогда мы коснулись только одной части многомилліоннаго населенія православнаго востока (и только одной части пространства, занимаемаго этимъ населеніемъ), именно свободной Греціи. А между тѣмъ на обширныхъ пространствахъ Турецкой имперіи обитаетъ еще громадное число православныхъ христіанъ, доселѣ не пользующихся политической свободою. На этихъ пространствахъ раскинулись цѣлыхъ четыре патріархата православной восточной церкви: Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій и Иерусалимскій. Изъ нихъ Иерусалимскій, хотя по теперешнему значенію числится и на послѣднемъ мѣстѣ, однако есть древнѣйшій изъ всѣхъ по времени основанія въ немъ церкви. Иерусалимъ есть священный центръ, изъ котораго впервые возсіялъ міру свѣтъ истины Христовой. На этомъ-то центрѣ, ближе всего, мы теперь и остановимъ свое вниманіе, начавъ рѣчь о немъ сообщеніемъ о бывшемъ тамъ въ маѣ прошедшаго 1893 г. евхаристическомъ конгрессѣ римскихъ католиковъ.

Состоявшійся въ истекшемъ году въ Иерусалимѣ такъ называемый евхаристическій конгрессъ римскихъ католиковъ, и по намѣренію учредителей его и отчасти въ дѣйствительности, долженствовалъ быть и былъ событіемъ,

¹⁾ См. „Богосл. Вѣстникъ“ 1893 г. №№ 7 и 8.

значеніе котораго было весьма велико во многихъ и различныхъ отношеніяхъ ¹⁾.

Уже давно папство питаетъ вождельнную для него мысль—подчинить своему господству православную восточную церковь, не довольствуясь двумя сотнями милліоновъ душъ римскихъ католиковъ, безусловно вѣрившихся его водителству. Эту мысль папство начало питать съ самаго времени окончательнаго раздѣленія церквей на восточную и западную и со времени развитія и утвержденія идеи всемірнаго господства папскаго престола, въ средніе вѣка. Но тогда папство, гордое абсолютизмомъ своего господства на западѣ и въ самоупоеніи завоеванною имъ свѣтскою властію, смотрѣло на ослабленный и постоянно раздираемый политическими смутами православный востокъ съ пренебреженіемъ и религіозною нетерпимостію, какъ смотрѣло не только на схизматиковъ вообще, но и на язычниковъ, а не взирало на православныхъ восточныхъ христіанъ какъ на братьевъ по вѣрѣ, нуждающихся, съ точки зрѣнія папства, въ приведеніи подъ кровь римскаго патріаршаго престола. Со времени же отпаденія значительной части собственныхъ чадъ римско-католической церкви въ протестантство и его секты, папство, если позволено будетъ такъ выразиться, посбавило своей спѣси и стало относиться къ православной восточной церкви нѣсколько внимательнѣе. Папство начало стремиться къ привлеченію чадъ православной восточной церкви въ свое лоно способами болѣе тихими и мирными, нежели грозными и вопиственными, болѣе путемъ разнаго рода соглашеній, убѣжденій и компромиссовъ, нежели силою прещеній, угрозъ и оружія. Въмѣсто крестовыхъ походовъ, со всѣми ихъ воинскими жестокостями, начали быть созываемы соборы; вмѣсто насильственныхъ мѣръ стала быть употребляема въ дѣло дипломатическая тонкость. Такъ называемая унія (unio—единеніе) избрана и признана какъ наилучшее средство къ постепенному совращенію православныхъ въ римскій

¹⁾ Объ этомъ событіи и въ иностранной и въ русской періодической печати много было писано. См. напр. изъ иностранныхъ повременныхъ изданій „La Terra Santa 1893 № 9; La Terre Sainte“ 1893 № 6 и др., „Παλιγγενεία“ 1893 №№ 8779, 8814 и 8815 и др., изъ русскихъ „Сообщенія Правосл. Палестин. Общества“ 1893 г. июнь, октябрь и декабрь; издав. при Св. Синодѣ „Церковныя Вѣдомости“ 1893 г. №№ 18 и 27 и др.

католицизмъ. Мы, русскіе, по историческому опыту своихъ западныхъ областей, знаемъ силу и дѣйственность этого средства:—знаемъ, какъ, общая православнымъ оставить неприкосновеннымъ все, дорогое для нихъ въ религіозно-бытовомъ отношеніи изъ наслѣдія предковъ, подъ условіемъ лишь признанія главенства папы, римскій католицизмъ, мало по малу, искореняя все православное и вводя, вмѣсто искореняемаго, свое, латинское, въ концѣ концовъ дѣлалъ униатовъ истыми римскими католиками. Такъ же точно Римъ поступалъ и съ другими, по его выраженію, схизматиками изъ славянскихъ (галичане въ Австріи, болгары въ новѣйшее время и др.) и иныхъ, даже не исключая и греческихъ, племенъ, хотя греческія народности всегда, съ самаго времени раздѣленія церковей, питали какое-то инстинктивное отвращеніе къ латинству. Въ нынѣшнемъ столѣтіи судьбы папства измѣнились еще болѣе по сравненію съ временами отпаденія отъ него протестантовъ. Свѣтская власть папы уже французскою революціею и оружіемъ Наполеона I была потрясена, а въ послѣднее время, съ возвышеніемъ Италіанскаго королевства, и вовсе упразднена фактически. Но это не значитъ, чтобы и само папство въ принципѣ признало это упраздненіе правильнымъ и чтобы оно вообще отказалось отъ воспитанныхъ и утвердившихся вѣками своихъ вождельній и притязаній. Напротивъ, провозглашенный на Ватиканскомъ соборѣ 1870 года догматъ непогрѣшимости папы ясно доказалъ живучесть коренной идеи папства и прогрессивное развитіе и укрѣпленіе этой идеи въ римскомъ католицизмѣ. Отнынѣ слово папы, и прежде имѣвшее непререкаемый авторитетъ для вѣрныхъ послѣдователей римскаго католицизма, облекается такимъ достоинствомъ правды, какое приличествуетъ только слову Божественному. При всемъ томъ это же самое торжество идеи папства послужило началомъ новаго отпаденія многихъ чадъ въ средѣ церкви римско-католической. Значительное число ихъ, подъ именемъ старо-католиковъ, не признало догмата непогрѣшимости и отшатнувшись отъ признавшей его римско-католической іерархіи, тѣмъ самымъ, по римско-католическимъ понятіямъ, выступило и изъ ограды римско-католической церкви. Это уже само по себѣ было неприятнымъ для папства явленіемъ, особенно въ виду того, что теперь уже не имѣли

такого громоваго значенія буллы папы, какое онѣ имѣли въ средніе вѣка. Еще болѣе неприятнымъ для папства это явленіе было потому, что старокатолики на первыхъ же порахъ обнаружили стремленіе къ сближенію съ православнымъ востокомъ. Боннская конференція и послѣдующіе конгрессы старокатоликовъ показали папству, что это стремленіе имѣетъ подъ собой и практическую почву. Тогда папство, и особенно въ лицѣ нынѣшняго папы Льва XIII, опять оживило свою энергію по употребленію въ дѣло давно испытаннаго средства, — уніи, видоизмѣнивъ лишь, сообразно съ обстоятельствами времени, его форму. Въмѣсто прежнихъ соборовъ (Ферраро-Флорентійскій, Брестскій) теперь вступаетъ въ дѣло модная форма конгресса, съ его докладами, рѣчами, разсужденіями, ученолитературнымъ отдѣломъ и т. д.

Еще на Ватиканскомъ соборѣ 1870 года замѣчено было неудовольствіе уніатовъ на то, что ультрамонтанская партія римскаго католицизма относится къ нимъ не только съ пренебреженіемъ, но и съ явнымъ притязаніемъ на лишеніе ихъ религіозной автономіи, на уничтоженіе ихъ обрядовыхъ привилегій, — и преемникъ Пія IX нынѣшній папа Левъ XIII рѣшилъ измѣнить тактику. Съ первыхъ же лѣтъ своего управленія папскимъ престоломъ онъ сталъ обнаруживать величайшую предупредительность, внимательность и любезность ко всѣмъ уніатамъ, какъ и вообще къ восточнымъ христіанамъ, дѣлать имъ необычайныя для прежнихъ временъ уступки. Такъ еще въ 1880 году онъ возвелъ въ званіе кардинала армянскаго патріарха Гассуна, чего не бывало въ теченіе 400 лѣтъ дотолѣ, и въ томъ же году издалъ знаменитую энциклику (*Grande munus*), которая вѣчному городу Риму и всему міру (*urbi et orbi*) возвѣщала о томъ, что праздникъ святыхъ Меѳодія и Кирилла, первоучителей славянскихъ, долженъ отнынѣ праздноваться въ цѣлой (римско-католической) церкви ежегодно 5-го іюля. Черезъ это чествованіе имѣлось въ виду привлечь на сторону Рима симпатіи славянъ не только изъ уніатовъ, но и изъ остающихся еще внѣ ограды церкви римско-католической. И другими способами и средствами, безъ особенно строгаго, съ нравственной точки зрѣнія, разбора ихъ, по іезуитскому обычаю, пользовался Римъ для такого привлеченія, — и мы по злосчастной Болгаріи знаемъ, на сколько успѣшна была

дѣятельность его въ этомъ направленіи. Между прочимъ и въ то же время папа допустилъ весьма важную уступку въ области традиціонной политики латинства, — различіе литургическихъ языковъ, дозволивъ употреблять славянскій языкъ въ богослуженіи. Этимъ и освящено было начало такъ называемыхъ евхаристическихъ конгрессовъ, имѣвшихъ своею цѣлю осуществленіе уніонистскихъ стремленій папства. Такихъ конгрессовъ за послѣднія 12—15 лѣтъ было нѣсколько, и происходили они во Франціи, Швейцаріи и Бельгіи. Но для папы и его стремленій, вождѣлннй мало было ограничиваться въ этомъ отношеніи предѣлами запада. На западѣ же эти конгрессы мало были и замѣтны, какъ слишкомъ заурядное въ послѣднюю пору явленіе. Планы папы были шире. Его желаніемъ было увлечь и востокъ въ область этихъ стремленій, привлечь къ подножію своего престола и разноплеменныхъ схизматиковъ, т. е. православныхъ христіанъ востока. Съ того времени, какъ потерялъ онъ свѣтскую власть въ Римѣ, его взоры какъ бы невольно обратились отъ западнаго вѣчнаго города—Рима къ восточному вѣчному же городу — Іерусалиму. Руководясь такими мыслями и вождѣлнннми, папа Левъ XIII съ радостію принялъ внушенное монахами Августинскаго ордена предложеніе епископа Люттихскаго (по франц. Liège) Дутрелу—собрать евхаристическій конгрессъ въ Іерусалимѣ. Предложеніе было сдѣлано въ апрѣлѣ 1892 года, а отъ 3 мая того же года послѣдовало Breve папы Льва XIII, коимъ онъ, одобривъ это предложеніе, между прочимъ писалъ въ немъ: „мы убѣждены, что всѣ тѣ, которые по этому случаю отправятся въ святую землю, прежде всего будутъ просить Бога, чтобы народы этихъ странъ, хотя отдѣленные отъ насъ, однако носящіе имя христіанъ, опять соединились съ нами въ полнотѣ одной вѣры“. Такимъ образомъ уже на первыхъ порахъ стало очевидно, что предположенный въ Іерусалимѣ евхаристическій конгрессъ, съ одной стороны, долженствовалъ быть своего рода крестовымъ походомъ, а съ другой, — прямо преслѣдовалъ уніонистскія стремленія. И онъ дѣйствительно оказался таковымъ и преслѣдовалъ эти стремленія, съ ихъ затаенными цѣлями, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго.

По изданіи папскаго Breve 3 мая 1892 года приступ-

лено было къ выработкѣ программы конгресса, и президентомъ комитета, съ этою цѣлю учрежденнаго, назначенъ былъ упомянутый епископъ Люттихскій В. I. Дутрелу. Программа выработана была въ обширныхъ размѣрахъ, съ богословскимъ и политическимъ характеромъ. По сообщеніямъ иностранныхъ газетъ, предметы, подлежащія, согласно этой программѣ, обсужденію на евхаристическомъ конгрессѣ въ Иерусалимѣ, были слѣдующіе:

1. *Евхаристическая литургія на востокъ*. Греческая литургія св. апостола Іакова, александрійская литургія св. евангелиста Марка; литургіи константинопольскія св. Василія Великаго и св. Іоанна Златоустаго; арабская литургія мелхитовъ; арабскія же литургіи маронитовъ и соединенныхъ и несоединенныхъ съ Римомъ яковитовъ; несторіанская литургія и коптская литургія св. Кирилла Александрійскаго; абиссинская литургія 12-ти апостоловъ; армянская литургія; наконецъ, литургіи: славянская, румынская и грузинская. Тексты литургій и литургическіе обряды. Введеніе древнихъ восточныхъ молитвенныхъ формулъ въ молитвенники вмѣсто новыхъ формулъ, часто имѣющихъ мало достоинства. Сравненіе различныхъ восточныхъ литургій съ литургіями западными. Одинаковость главнаго священнодѣйствія литургіи во всѣхъ ихъ по существу ¹⁾.

2. *Евхаристическое богословіе*. а) Богословіе *догматическое*, по восточнымъ источникамъ. Свидѣтельства восточныхъ отцевъ Церкви о дѣйствительномъ присутствіи Иисуса Христа въ Евхаристіи и о пресуществленіи даровъ. Іоаннъ Златоустъ, какъ главнѣйшій истолкователь ученія Церкви объ Евхаристіи. Иисусъ Христосъ, какъ первосвященникъ, жертва, искупитель, по различнымъ литургіямъ. Исторія евхаристическаго богословія на востокѣ. б) Богословіе *дисциплинарное* или требованія Церкви относительно лицъ, присутствующихъ при совершеніи таинства Евхаристіи и причащающихся сему таинству, равно какъ и относительно вещества для таинства. Совершеніе таинства только въ обществѣ вѣрныхъ. Евхаристическіе символы, вечери любви

---

¹⁾ Здѣсь разумѣется та часть литургіи, которая слѣдуетъ за пѣніемъ: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ“ и пр. т. е. освященіе и пресуществленіе даровъ таинства Евхаристіи.

(агапы) и благословенія (евлогіи),—опрѣсноки, причащеніе подъ обоими видами (тѣла и крови Христовыхъ).

3. *Евхаристическая археологія*. Константиновы и византійскія базилики, преимущественно въ Иерусалимѣ. Содержаніе церквей. Иконостасы и иконографія. Священные сосуды и одежды. Обряды литургіи, употребляемые при ней книги и пѣснопѣнія на востокѣ.

4. *Евхаристическій культъ* у восточныхъ христіанъ, грековъ, славянъ и западныхъ христіанъ. Оглашенные въ древнія времена христіанства и приготовленіе къ принятію таинствъ вообще. Открыто употребляемые въ обществѣ христіанъ знаки благоговѣнія. Святое причащеніе и его дѣйствія. Характеръ истинной жертвы, присущій таинству Евхаристіи. Продолженіе присутствія Господа Иисуса Христа въ св. дарахъ по совершеніи жертвы. Непреклонное сопротивленіе восточной церкви, даже не соединенной съ Римомъ, калвинскимъ стремленіямъ Кирилла Лукариса. Почтаніе Божіей Матери и святыхъ въ его отношеніи къ св. Евхаристіи, воспоминаніе Божіей Матери и святыхъ во всѣхъ литургіяхъ. Вліяніе почитанія Божіей Матери на сохраненіе вѣры въ св. Евхаристію. Евхаристическій культъ во время произнесенія Кирилломъ Иерусалимскимъ его огласительныхъ и таинноводственныхъ поученій (347 г.). Путешествія ко св. мѣстамъ Палестины Сильвіи (въ концѣ 4-го вѣка), св. Меланіи (417 г.), до св. Софронія (637 г.), и съ того времени до нашихъ дней. Евхаристическія чудеса на востокѣ.

5. *Взаимныя отношенія между востокомъ и западомъ*. Святая Евхаристія, какъ символъ и союзъ любви и единенія (symbolum et vinculum charitatis et unionis); молитвы о соединеніи церквей и вѣрующихъ во всѣхъ литургіяхъ востока и запада; восточные, какъ миссіонеры на западѣ; греческіе папы; восточная иконографія въ періодъ соборовъ. Гимнографія, и св. Петръ. Кириллъ и Меѳодій. Эхо схоластики на востокѣ. Соборы Ліонскій и Флорентійскій. Папы съ Евгенія IV. Заботы папъ о сохраненіи восточныхъ обрядовъ¹⁾. Соединеніе въ молитвѣ о воссоединеніи церквей. Путешествія ко св. мѣстамъ со времени

¹⁾ Ближе всего въ униі.

св. Елены (326 г.), матери Константина Великаго, и паломника Бордоссаго (338 г.).

При этомъ тогда же къ программѣ сдѣлано было нарочитое примѣчаніе слѣдующаго содержания: „Всякій споръ и полемика должны быть строжайше воспрещаемы на евхаристическомъ конгрессѣ. Наша цѣль, при отправленіи въ Иерусалимъ, призвать нашихъ братьевъ на востокъ къ ногамъ Иисуса въ св. Евхаристіи, культъ которой никогда не прекращался на востокъ, изучить ихъ преданія и обряды, которыхъ мы не знаемъ или знаемъ несовершенно, ознакомиться съ ихъ нуждами и поискать средствъ, чтобы притти къ нимъ на помощь“. На сколько дѣйствительно отсутствовали на конгрессѣ споръ и полемика и насколько представители папы и ихъ спутники и единомышленники ограничились этою скромною задачею на немъ, это ясно будетъ изъ послѣдующаго.

По обнаруженіи вышеизложенной программы начались приготовленія къ самому конгрессу. Распоряженіемъ отъ 18 ноября 1892 года папа уполномочилъ кардинала Ланженъе (Langénieux), архіепископа Реймсаго, быть своимъ представителемъ въ Иерусалимѣ на конгрессѣ, съ титуломъ папскаго легата. Кардиналъ Ланженъе счелъ нужнымъ издать, съ своей стороны, программу будущихъ дѣйствій на конгрессѣ. Въ началѣ этой программы говорится: „Греки—наши братья будутъ тронуты, какъ апостоль Петръ былъ тронуть взглядомъ Иисуса, Котораго и они также любили, но Которому не сѣумѣли слѣдовать и Котораго не признають въ лицѣ Его намѣстника. Помолимся, чтобы изъ этого конгресса вышли всѣ тѣ благотворныя послѣдствія, которыхъ мы ожидаемъ“. Уже изъ этого можно видѣть, какіе въ сущности взгляды на востокъ руководили исполнителями воли папы относительно конгресса; а между тѣмъ тогда же возникли и затрудненія, грозившія вовсе не мирнымъ выполненіемъ программы конгресса, предпринятаго, по видимому, съ такими мирными цѣлями. И эти затрудненія возникли ближе всего въ самомъ же римско-католическомъ мірѣ. Австрія обнаружила недовольство и опасеніе, что конгрессъ, въ которомъ главное руководство предоставлено было французамъ, ослабитъ ея вліяніе и престижъ на востокѣ. Германія и Італія также вызывали Порту на мѣры

предосторожности противъ конгресса. Латинскій патріархъ въ Иерусалимѣ, италіанецъ Пиави ¹⁾, также считалъ себя обиженнымъ, что не онъ, а французскій архіепископъ назначенъ быть представителемъ папы на конгрессѣ. Однако всѣ эти затрудненія были своевременно улажены, и конгрессъ состоялся со всею торжественною обстановкою, которою такъ отличается римско-католическая церковь въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ.

Отправленіе представителей и сопровождавшихъ ихъ поклонниковъ на конгрессъ въ Иерусалимъ имѣло всю обстановку крестовыхъ походовъ среднихъ вѣковъ. Напутствуемые благословеніемъ и благожеланіями папы, они отправились въ апрѣлѣ 1893 года нѣсколькими партіями, въ нѣсколько сотъ человѣкъ каждая, на нѣсколькихъ корабляхъ, въ Иерусалимъ, съ пѣніемъ псалмовъ и священныхъ пѣснопѣній, съ возгласами: „Богъ того хочетъ“. (Dieu le veut) ²⁾“, при постоянномъ совершеніи литургій на корабляхъ и проч. Нѣкоторые изъ пилигримовъ были одѣты въ средневѣковые костюмы. Поклонники (пилигримы) прибыли въ Палестину двумя главными караванами: около 500 человѣкъ ихъ прибыло 5-го мая (по новому стилю) на двухъ экстренныхъ поѣздахъ изъ Яффы (куда прибыли они моремъ) въ Иерусалимъ и до 300 человѣкъ 7-го мая чрезъ Каифу—туда же. Все это были почти исключительно французы. И лишь гораздо меньшіе того и другаго каравановъ прибыли въ Иерусалимъ 11-го мая—италіанскій караванъ и 13-го мая—баварскій караванъ пилигримовъ. Значеніе французскаго, и безъ того самаго многолюднаго, каравана возрасло до высшей степени съ прибытіемъ папскаго легата, упомянутаго выше кардинала—архіепископа Реймскаго Ланженъе, состоявшимся въ субботу 14 мая въ 3 часа по полудни. Со всѣми караванами прибыло 32 епископа и 350 аббатовъ, прелатовъ и монаховъ разныхъ орденовъ.

1) Италіанцы вообще стараются быть главнымъ элементомъ въ составѣ высшаго духовенства римско-католической церкви. Извѣстно, что число кардиналовъ напр. всегда устанавливается такое, что бы въ немъ кардиналовъ италіанскаго происхожденія было хотя нѣсколько больше, нежели кардиналовъ всѣхъ другихъ національностей.

2) Этотъ возгласъ, какъ извѣстно, повторяемъ былъ и во время крестовыхъ походовъ среднихъ вѣковъ.

Еще 7-го мая (по нашему, старому стилю 25-го апрѣля), вмѣстѣ съ прибытіемъ втораго французскаго каравана пилигримовъ, состоялся торжественный входъ ихъ въ Іерусалимъ, въ предшествіи знаменъ: французскаго, папскаго и знамени Іерусалимскаго королевства крестоносцевъ, чрезъ что прямо вызывалось воспоминаніе крестовыхъ походовъ средне-вѣковой эпохи, какъ примѣра для подражанія настоящаго конгресса. Съ знаменами шли впереди хоръ музыкантовъ и пѣвчіе изъ виолеемскихъ воспитанниковъ латинской школы. Въ такомъ предшествіи и во главѣ съ нѣсколькими епископами, пилигримы съ пѣніемъ псалмовъ и возгласами: „Богъ того хочетъ!“ направились по улицамъ Іерусалима въ торжественной процессіи къ храму Гроба Господня. Здѣсь викарій кустада францисканскаго ордена встрѣтилъ ихъ рѣчью, въ которой, не скрывъ того, что инициатива всего предпріятія принадлежитъ августинскимъ монахамъ, высказалъ между прочимъ слѣдующее: „Въ теченіе вѣковъ бываетъ психологическій моментъ, благопріятный для великихъ дѣлъ. Достопочтенные отцы августинцы прекрасно поняли это. Не смотря на препятствія, возникшія предъ ними, повинуваясь только своей ревности, ввѣряясь Боже-ственному Провидѣнію, по примѣру храбрыхъ рыцарей среднихъ вѣковъ, они стали во главѣ движенія, съ возгласомъ: Богъ того хочетъ! Сегодня мы имѣемъ утѣшеніе присутствовать при ихъ торжествѣ. Позвольте мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать публично признательность и удивленіе его величеству благополучно царствующему султану Абдуль-Гамиду. Благодаря его широкому и примирительному духу пали преграды, отдѣлявшія востокъ отъ запада, и христіане, къ какой бы національности они ни принадлежали, могутъ подъ сѣнью полумѣсяца водрузить знамя креста и открыто выразить свою вѣру¹⁾... Настоящее великое торжество, возвышаемое присутствіемъ монсиньора Менини, архіепископа Филиппольскаго, не можетъ не произвести на восточныхъ благотворнаго и продолжительнаго впечатлѣнія. Чтобы придать вселенскій характеръ этому общему собранію, Левъ XIII,

¹⁾ Здѣсь нельзя не видѣть чрезмѣрной лести викарія Турецкому правительству.

этотъ непобѣдимый старецъ (se *vieillard invincible*), котораго крѣпкія и сильныя руки безтрепетно располагають ключами неба, назначилъ представителемъ своимъ князя церкви, — кардинала Ланженъ⁴. На другой день послѣ произнесенія этой рѣчи кардиналъ Ланженъ и прибылъ въ Яффу; но затѣмъ еще только чрезъ недѣлю вступилъ онъ въ самый Іерусалимъ. Причиною такой остановки, какъ выяснилось внослѣдствіи, были пререканія между нимъ и латинскимъ патріархомъ въ Іерусалимѣ Піави относительно церемоніала въѣзда кардинала въ Іерусалимъ, при чемъ на долю патріарха Піави доставалось значительное униженіе по сравненію съ кардиналомъ, какъ представителемъ папы, чего, естественно, не хотѣлъ Піави, какъ мѣстный духовный высшій сановникъ¹). Наконецъ, благодаря взаимнымъ уступкамъ, соглашеніе на счетъ церемоніала въѣзда состоялось, и въѣздъ произошелъ съ необычайною для угнетенныхъ деспотизмомъ жителей востока торжественностію, на которую такъ способны и щедры римскіе католики. По приѣздѣ въ Іерусалимъ, кардиналъ былъ встрѣченъ на станціи французскимъ консуломъ и кавасами другихъ консуловъ. Хоръ изъ виолеемскаго сиротскаго пріюта исполнилъ, въ честь высокаго гостя, нѣсколько пьесъ и затѣмъ сопровождалъ его въ городъ. Шествіе тронулось, имѣя во главѣ кардинала, облеченнаго въ красную одежду и сидѣвшаго на бѣломъ конѣ. За нимъ шли епископы и паломники, представляя собой какъ бы свиту его, при чемъ французскія газеты сообщаютъ, что среди лицъ этой свиты находились и представители восточныхъ церквей, не принявшихъ уніи. Многочисленная толпа народа окружала процессію. Кардиналъ благословлялъ народъ, чтò, по словамъ тѣхъ же газетъ, растрогало будто бы даже іудеевъ, не ожидавшихъ такого вниманія со стороны кардинала... У баптины Давида кардиналъ былъ встрѣченъ полуротою турецкой пѣхоты, которая отдала ему воинскія почести. Здѣсь же встрѣтилъ его и латинскій патріархъ Піави съ капитуломъ и персоналомъ виолеемскаго пріюта. Маронитскіе, сирскіе

---

¹) Такъ напр. патріархъ Піави никакъ не хотѣлъ унизиться до требованнейшей по первоначальному церемоніалу встрѣчи кардинала на станціи желѣзной дороги.

и другіе архіереи съ своимъ духовенствомъ стояли шпалерами по дорогѣ къ Гробу Господню. Кардиналь, сойдя съ коня, облачился въ мантию (pluviale) и митру и, осѣняемый балдахинѣмъ, отправился ко Гробу Господню при пѣніи гимновъ воспитанниками римско-католической Іерусалимской семинаріи и восклицаніяхъ паломниковъ. Улицы, окна и кровли были усѣяны народомъ, любовавшимся на зрѣлище. Полиція охраняла порядокъ. Вступивъ во храмъ, представитель папы сѣлъ на епископскій престолъ, предъ Гробомъ Господнимъ, а епископы на сѣдалища по сторонамъ его, при чемъ блескъ мѣстнаго латинскаго патріарха совершенно исчезалъ предъ величіемъ блеска кардинала Ланженъе. По совершеніи обычнаго богослуженія кардиналь преподалъ папское благословеніе. За тѣмъ, въ сопровожденіи представителей отъ консульствъ и религіозныхъ конгрегацій, папскій легатъ отправился въ латинскую патріархію, гдѣ состоялся оффиціальныи пріемъ. На слѣдующій день члены евхаристическаго конгресса посѣтили Виолеемъ, имѣя во главѣ своей кардинала Ланженъе, при чемъ ихъ сопровождалъ отрядъ арабскихъ и турецкихъ всадниковъ, а народъ тѣснился, чтобы облобызать руку представителя папы. Тамъ въ пещерной церкви Рождества Христова, совершенно было богослуженіе, при чемъ представителямъ конгресса предоставлены были все удобства по сравненію съ представителями исповѣданій православнаго и армянскаго. Улицы города Давидова были украшены по этому случаю.

Самыя засѣданія конгресса открыты были 3—15 мая и происходили утромъ и вечеромъ то въ патріаршей (латинской) церкви, а то во французской церкви св. Анны. Епископы и прелаты сидѣли въ хорѣ, а нисшее духовенство и міряне наполняли нефы церкви. Почетныя мѣста около предсѣдателя (кардинала) заняты были латинскимъ высшимъ духовенствомъ, а униатское высшее духовенство помѣщалось за кардиналомъ и по сторонамъ хора. Въ нефахъ преобладали европейцы. Собранія въ храмѣ, предъ алтаремъ, давали конгрессу видъ собора. Со стороны латинянъ, кромѣ кардинала—легата, здѣсь были епископы: Лютихскій (или Лиежскій), упомянутый выше Дутрелу (Doutreloux), Болгарскій, Тиноскій (острова Тиноса), Верчеллійскій, Базельскій, Трапезундскій, Монтевидеоскій, Людовикопольскій (Мон-

тесъ де-Ока, въ Америкѣ), Буртингтонскій (тоже въ Америкѣ), патріархъ Іерусалимскій (Піави), его суффраганъ, аббатъ Кастель-Мадамскій и др., всего 11 епископовъ и 5 аббатовъ. Представителями униі явились: мелхитскій патріархъ Іерусалима, Антиохіи и Александіи, греко-униатскіе же архіепископы Баниасскій, Тирскій и Хуаранскій и епископъ Сидонскій; сиро-униатскіе архіепископы Багдадскій и Бейрутскій и епископъ Алеппскій; пять епископовъ Маронитскихъ; епископъ Болгаро-униатскій; армяно-униатскій епископъ Аданскій; генеральный викарій коптскій; архимандритъ базилианскаго ордена греко-униатскаго изъ Гротта-Ферраты; всего¹ 17 прелатовъ. Такъ какъ употребленіемъ латинскаго языка предпочтительно предъ прочими не хотѣли раздражать духовенство униатское, а греческій былъ непонятенъ большинству участниковъ конгресса, мѣстные же языки, самые употребительные, какъ напр. арабскій, не были извѣстны высокимъ духовнымъ особамъ, прибывшимъ изъ Европы и составлявшимъ, если можно такъ выразиться, аристократію, господствующій элементъ въ личномъ составѣ конгресса: то оффиціальнымъ языкомъ послѣдняго принятъ былъ языкъ дипломатіи—французскій. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ сочтено было нужнымъ, съ одной стороны, для показанія латинскаго главенства, одно засѣданіе провести на латинскомъ языкѣ, а съ другой стороны, сказать хотя одно поученіе на арабскомъ языкѣ.

Засѣданія открыты были рѣчью кардинала Ланженъ, очень искусно и дипломатически-тонко составленною, въ которой ораторъ, уподобивъ себя пророку Самуилу, на вопросъ Виолемлянъ: мирно ли пришествіе твое? отвѣчавшему: мирно; я пришелъ принести жертву Богу¹⁾, разъяснилъ, что такъ какъ Евхаристія выражаетъ собою высочайшую любовь, то во имѣ ея должно слиться все въ едино; но при этомъ нарочито даже и намека не сдѣлалъ на главное условіе единенія—признаніе главенства папы, которое однако видѣлось во всехъ дѣйствіяхъ легата. Вся рѣчь легата была обильною похвалою славной историческимъ прошлымъ восточной церкви и свидѣтельствомъ глубокаго уваженія, пи-

1) См. 1 Цар. 16, 4, 5.

таемого къ ней папою. „Мы почувствовали по самому теченію событій,—говорилъ онъ между прочимъ, — что Богъ былъ съ нами. Драгоцѣнныя симпатіи укрѣпились; трудности устранены; верховное благоволеніе его величества султана, возвышенный умъ, справедливость и благоразуміе котораго хвалилъ папа всего нѣсколько недѣль тому назадъ, открыло намъ путь,—и вотъ намъ дано въ чувствѣ братскаго соревнованія осуществить планъ, принятый еще за годъ, въ цѣляхъ вѣры, для вѣщней славы Божіей и для торжества святой Церкви... Такимъ образомъ наши евхаристическія собранія въ одно и тоже время увеличатъ у католиковъ Божественную любовь къ нашимъ алтарямъ, а для отдѣленныхъ отъ насъ христіанъ, согласно съ желаніемъ, выраженнымъ Львомъ XIII 15-го числа прошедшаго мѣсяца въ его рѣчи къ французскимъ пилигримамъ, будутъ нѣмымъ, но краснорѣчивымъ приглашеніемъ притти слиться съ нами“ (se fusionner avec nous). Такъ откровенно, на первыхъ же порахъ, представителемъ папы, выражена была затаенная мысль конгресса, унионистское стремленіе, руководившее планомъ его. Кромѣ того какъ бы нарочито, восхваляя прошлое восточной церкви въ своей рѣчи и упоминая славныя имена великихъ святителей и учителей сей церкви, святыхъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскина и др., кардиналъ счелъ нужнымъ упомянуть также не только имена славянскихъ первоучителей — Кирилла и Меѳодія, но и имя извѣстнаго латино-польскаго дѣятеля временъ западно-русской уніи Іосафата Кунцевича, вѣроятно въ угоду полякамъ.

По открытіи евхаристическаго конгресса рѣчью папскаго легата дальнѣйшія рѣчи, разсужденія, рефераты въ общемъ соотвѣтствовали раньше начертанной программѣ конгресса и служили осуществленіемъ ея. Такъ, епископъ Лютихскій Дутрелу въ своей рѣчи доказывалъ важность чествованія Евхаристіи; греко-униатскій (мелхитскій) патріархъ Григорій I разъяснялъ литургическія выраженія, относящіяся къ почитанію Евхаристіи и особенности литургіи преждеосвященныхъ даровъ, хотя при этомъ не преминулъ указать и на безпомощное положеніе его бѣдной церкви, не позволяющее ему и его епископамъ достойно прославлять Евхаристію; латинскій Іерусалимскій патріархъ Пиави напомнилъ, что

Иерусалимъ представляетъ собою средоточіе не только исторіи христіанства, но и всего человѣчества, а евхаристическій конгрессъ является эпохой въ исторіи церкви, залогомъ грядущихъ, не менѣ славныхъ, событій, и т. д. Специальнымъ предметомъ реферата патріарха была литургія св. ап. Іакова, какъ основа всѣхъ восточныхъ литургій. Джерайджири, епископъ Баніасскій (въ древней Панаэдѣ или Кесаріи Филипповой) разсматривалъ три вида литургіи, произшедшихъ изъ литургіи ап. Іакова: литургію св. Василия Великаго, литургію св. Іоанна Златоустаго и литургію преждеосвященныхъ даровъ, представляющія собой постепенное сокращеніе литургіи св. ап. Іакова. Это разсужденіе привлекло къ себѣ особенное вниманіе слушателей.—Кандалафтъ, епископъ Бейрутскій, прочиталъ изслѣдованіе о Сирской литургіи.—Докторъ Аѳанасій Абенъ-Саидъ, представитель Коптскаго апостолическаго провикарія, дѣлалъ докладъ о коптскихъ литургіяхъ ап. Марка, Василия Великаго и Григорія Богослова и о готовящемся изданіи перевода этихъ литургій, особенностію которыхъ является то, что онѣ представляютъ собой непрерывный діалогъ между священнодѣйствующимъ и діакономъ, его истолкователемъ съ одной—и народомъ, — съ другой стороны, при чемъ народъ является принимающимъ участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ пріуготовленія къ совершенію и самаго совершенія жертвоприношенія Евхаристіи.—Аббатъ Мартенъ изъ Одажа (департаментъ Дрома) читалъ рефератъ о славянской литургіи, принятой въ Болгаріи, этой, по его выраженію, „странѣ будущаго, составляющей дверь въ Россію“. — Рахмани, архіепископъ Багдадскій, представилъ блестящее изложеніе сирскаго чина богослуженія, доказывалъ его апостольское происхожденіе, привелъ нѣсколько соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ литургіи и указалъ на обряды, существующіе только въ этой церкви. Говоря о языкѣ этого чина, онъ не забылъ указать на употребленіе его самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ (выраженія: Талиѳа куми; Или, Или, ламма савахѳани и т. п.).—Доминиканецъ Мишель въ своей ученой диссертациі излагалъ исторію постоянныхъ попеченій папъ о поддержаніи восточныхъ обрядовъ и уваженіи къ нимъ. — Бейрутскій маронитскій архіепископъ Деббсъ читалъ о догматѣ пресуществленія въ сирскихъ церквахъ

униатской и неуниатской, опираясь преимущественно на рукописный матеріалъ, собранный Ассеманомъ въ Ватиканскую бібліотеку. — Николай Кади, мелхитскій епископъ Босры и Хаурана, сообщилъ изъ греческой литургіи все, относящееся до почитанія Евхаристіи. — Алжирскій миссіонеръ Кутюрье читалъ о монастырскихъ богослуженіяхъ, которыя болѣе развиты и полны въ своемъ составѣ въ греческой, нежели въ латинской церкви. — Объ армянской литургіи сообщилъ свѣдѣнія Терціанъ, епископъ Аданскій, и т. д. Всѣхъ рефератовъ, въ продолженіе недѣли, протекшей отъ начала до конца засѣданій евхаристическаго конгресса, было сорокъ. Нѣкоторые изъ нихъ не имѣли прямого отношенія къ Евхаристіи, какъ напр. сообщеніе барнабита Тондини о протестантской пропагандѣ на востокѣ и о надеждахъ на воссоединеніе русскихъ съ латинской церковью, къ которому они, по его мнѣнію, чрезвычайно расположены. — Хотя пренія и какого бы то ни было рода пререканія и споры были напередъ воспрещены на конгрессѣ, имѣвшемъ мирныя цѣли, однако они невольно прорывались у нѣкоторыхъ ораторовъ и докладчиковъ. Такъ напр. упомянутый епископъ Кандалафтъ, превознося сирохалдейскую литургію, укорилъ мелхитовъ въ томъ, что они, подъ вліяніемъ византійскихъ императоровъ, внесли въ литургію греческія новшества и за тѣмъ впали въ монофизитство; маронитамъ же поставилъ въ вину, что въ литургіи у нихъ много общаго съ яковитами; чего не оставили безъ горячей защиты и рѣзкихъ возраженій Деббсъ и Джерайджири. Возраженія встрѣтили также рѣчь архіепископа Рахмани и докладъ Мишеля, при чемъ послѣднему, и именно въ духѣ нетерпимости къ обрядамъ униатовъ, возражалъ Піави. Руководители конгресса (кардиналъ Ланженъ и епископъ Дутрелу) однакоже постарались ослабить силу неприятнаго впечатлѣнія отъ этихъ преній и уладить споры и недоразумѣнія.

Засѣданія конгресса кончились 20 мая. Они закрыты были новою, заключительною, рѣчью кардинала Ланженъ, въ которой онъ, характеризуя задачу и выполненіе программы конгресса словами извѣстнаго прошенія эктени: „о мирѣ всего міра, о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о соединеніи всѣхъ“, произнесенными имъ даже на греческомъ языкѣ, о результатахъ конгресса высказался слѣдую-

щимъ образомъ: „Почему это величественное проявленіе религіозной жизни, это событіе, возбуждившее вниманіе народовъ запада, признанное и восточными церквами для себя честию и утѣшеніемъ и общающее произвести здѣсь глубокое впечатлѣніе даже на тѣхъ, кто не раздѣляетъ нашихъ вѣрованій, почему оно не пробудило бы, согласно съ надеждой его святѣйшества Льва XIII, католическихъ преданій въ этой странѣ?... Церковь судить съ Піемъ IX, что разнообразіе дозволенныхъ обрядовъ, не ослабляя единства вѣры, служить къ блеску и величію церкви. Скажу болѣе: это гармоническое многообразіе обрядовъ не только допущено, не только терпимо, — оно необходимо; потому что оно ограждаетъ приобрѣтенныя права и выражаетъ уваженіе къ національнымъ особенностямъ, которыя могутъ совершенно мириться съ цѣлостію ученія“. — Съ формальной же стороны, въ заключеніе засѣданій конгресса, выработаны и изложены были слѣдующія, выраженные въ формѣ пожеланій, частныя положенія: 1) желательно, чтобы въ молитвословы, назначенные для употребленія западныхъ христіанъ католиковъ, были внесены и прекраснѣйшія молитвословія восточныхъ евхаристическихъ обрядовъ; 2) чтобы чтенія и сообщенія, сдѣланныя на конгрессѣ, послужили матеріаломъ и поводомъ къ составленію Евхаристическаго Сборника Востока (*Summa Eucharistica Orientis*), въ которомъ восточные евхаристическіе обряды были бы разсмотрѣны съ точки зрѣнія богословія, литургіи и исторіи; 3) чтобы доставлялись болѣе обильныя пожертвованія бѣднымъ церквамъ востока; 4) чтобы католическія школы на востокѣ поддерживались и развивались и были бы устроены тамъ духовныя семинаріи для приготовленія „апостоловъ востока“; 5) чтобы богословская періодическая печать занималась спеціально вопросами, касающимися уніи церквей; 6) чтобы сношенія между вѣрующими и клиромъ востока и запада, завязанныя конгрессомъ, продолжались и укрѣплялись; и наконецъ 7) чтобы результаты занятій конгресса были опубликованы на разныхъ языкахъ и доведены до всеобщаго свѣдѣнія чрезъ различные духовные журналы“. И журналы, особенно западные (восточные журналы странъ православныхъ оказались сдержаннѣе), римско-католическіе, уже забили тревогу, восхваляя конгрессъ и не скупясь на преувеличенія

о результатахъ, имъ достигнутыхъ. „Четыреста лѣтъ тому назадъ востокъ былъ приглашенъ западомъ на соборъ во Флоренцію,—читаемъ напр. въ одномъ изъ римско-католическихъ журналовъ,—теперь западъ, въ свою очередь, попросилъ гостепрѣимства востока, чтобы разсѣять послѣднія облака восточнаго неудовольствія“. Наконецъ и самъ папа Левъ XIII, уже въ июль (по старому стилю) того же 1893 г., принимая депутацію изъ 80-ти епископовъ, клириковъ и воспитанниковъ римско-католическихъ школъ востока, и выслушавъ адресъ, прочитанный епископомъ Сидонскимъ Хаджіатомъ, сказалъ между прочимъ, что ему пріятно привѣтствовать восточное духовенство послѣ благополучнаго окончанія Іерусалимскимъ конгрессомъ его занятій, и что онъ, папа, неусыпно заботится о востокѣ и пламенно желаетъ возвратить восточнымъ церквамъ ихъ прежній блескъ.

Такъ сладки, успокоительны и мирны, по видимому, свѣдѣнія и увѣренія объ Іерусалимскомъ евхаристическомъ конгрессѣ, его цѣли, задачахъ, занятіяхъ и результатахъ, идущія со стороны самихъ римскихъ католиковъ, съ самимъ папою во главѣ ихъ. Такъ ли они сладки, успокоительны и мирны были въ дѣйствительности и для самаго востока, особенно же для истинно-кафолической восточной церкви, это еще вопросъ, къ разрѣшенію котораго, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, могутъ служить, отчасти уже извѣстные намъ изъ предшествующаго, возникавшіе предъ самымъ конгрессомъ, не скрывшіеся во время конгресса и обнаружившіеся вскорѣ послѣ конгресса споры, несогласія, недоразумѣнія и даже прямо враждебныя отношенія не только между римскими католиками и православными (преимущественно греками), но и между римскими католиками и униатами, равно какъ и между различными другими христіанскими исповѣданіями востока въ ихъ отношеніи къ римскому католицизму. Описанный въ декабрьской книжкѣ *Сообщеній Православнаго Палестинскаго Общества* за 1893 годъ случай кровавой расправы одного францисканскаго монаха съ православнымъ славяниномъ, австрійскимъ подданнымъ, въ Виолсемской пещерѣ Рождества Христова, происшедшій въ октябрѣ того же 1893 года¹⁾, лучше всего можетъ сви-

¹⁾ См. *Сообщенія Правосл. Палест. Общества*, декабрь 1893 года,

дѣлствовать какъ о мнимо-мирномъ настроеніи римскихъ католиковъ въ ихъ отношеніи къ не принадлежащимъ римско-католической церкви, такъ и о существенной розни между тѣми и другими, не позволяющей питать сладкія надежды на вождѣнное, конечно, само по себѣ единеніе востока и запада, по крайней мѣрѣ при теперешнихъ, исторически сложившихся, условіяхъ ихъ существованія. Хотя въ заключеніе евхаристическаго конгресса, напимѣрѣ, и выражено было между прочимъ желаніе, чтобы въ римско-католическіе молитвословы были внесены „прекраснѣйшія молитвословія восточныхъ евхаристическихъ обрядовъ“, однако, судя по историческому опыту съ унией прежнихъ временъ (напр. западно-русскою), въ дѣйствительности скорѣе можно ожидать обратнаго, т. е. внесенія въ восточные православныя молитвословы и богослужебныя книги римско-католическихъ новшествъ. Да и самъ папа Левъ XIII, какъ ни сладко говоритъ къ востоку о единеніи путемъ уни и при помощи конгрессовъ, подобныхъ евхаристическому Іерусалимскому, втайнѣ, безъ сомнѣнія, не желаетъ ничего болѣе, какъ всецѣлаго, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, подчиненія православнаго востока своему престолу. „Папа Левъ XIII, — откровенно говоритъ, по поводу евхаристическаго конгресса, одна французская же газета (*Cathol. nation*), — рѣшительно вознамѣрился наложить свою желѣзную лапу (grain) на церкви востока“. Онъ выражалъ желаніе, какъ мы знаемъ, „возвратить восточнымъ церквамъ ихъ прежній блескъ“. Кардиналь Ланженъ разъяснилъ, что подъ этимъ блескомъ разумѣется между прочимъ обрядовая сторона¹⁾, встрѣчающая нынѣ, особенно подъ игомъ турецкаго владычества, много препятствій къ своему обнаруженію во всемъ прежнемъ блескѣ. — Удастся ли папѣ осуществить его желанія, это покажетъ, конечно, будущее; но съ точки зрѣнія прошедшаго и настоящаго съ несомнѣнностію можно сказать, что еще далеко не скоро наступитъ желанное единеніе церквей, а прежній блескъ восточныхъ церквей заключался

стран. 677 и дал. Срав. здѣсь же выше, о совершеніи заключительной дитургии (мессы) кардиналомъ Ланженъ въ Іерусалимѣ.

¹⁾ При томъ, въ устахъ папы и кардинала, конечно, скорѣе римско-католическаго, нежели православно-восточнаго характера.

и заключается не въ одномъ томъ, въ чемъ полагаетъ его римскій католицизмъ. Самая рознь между православнымъ востокомъ и римско-католическимъ западомъ, также какъ и между различными отдѣльными христіанскими церквями и исповѣданіями восточными имѣетъ для себя причины болѣе глубокія, нежели какія выясняются изъ сладкихъ словъ и успокоительныхъ увѣреній римскихъ католиковъ. Эти причины кроются въ мѣстныхъ и историческихъ условіяхъ жизни востока, раскрытіе которыхъ заслуживаетъ особаго изслѣдованія.

Ив. Корсунскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
